

1993 №3

ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ

А

Я признаюсь Татьяне Яковлевой в эту вторую встречу, что хотела бы заполнить некоторые пробелы в рассказах о ее жизни, полных разноречий, воля Татьяны пойти мне навстречу в этом или нет. Говорю и о том, что хорошо знала и любила Лилию Брик, горевала, когда она сама оборвала свою жизнь, как бы последовав примеру поэта. Потом вспоминаю, что мимолетно встречалась с Вероникой Полонской / даже писала о ней / и читала ее мемуары, что была знакома с перепиской Лилии Брик с поэтом и знаю ее дневниковые записи. Порой мне кажется, что критики, пишущие о музах Маяковского, более озабочены уязвлением друг друга, чем установлением истины, не так ли!

— Может быть, — спокойно соглашается Татьяна Алексеевна, покосившись на мой магнитофон. — А что вам хочется узнать? Включайте, я охотно отвечу.

— Начнем с «начала». Как вы встретились с Маяковским?

— У меня был бронхит, и навесившая меня русская приятельница, которая была замужем за французским доктором, привела его послушать меня — с легкими у меня всегда были нелады. — Татьяна говорит медленно, чуть задыхаясь, мое ухо наслаждается ее петербургским выговором. — Подружкой этой моей знакомой была уже хорошо известная писательница Эльза Триоле, жена поэта Луи Арагона (родная сестра Лилии Брик. — З.Б.). Как-то Эльза упомянула в разговоре с этой моей приятельницей, что Маяковский — в Париже и что он скучает здесь. Даже собирается уехать на месяц раньше. Тогда подружка сказала Эльзе: «Ах, я должна познакомить его с Татьяной!» Через несколько дней они позвонили мне и пригласили на обед. Они не упомянули, что будет Маяковский. Подруги просто

Маяковский З.Б.

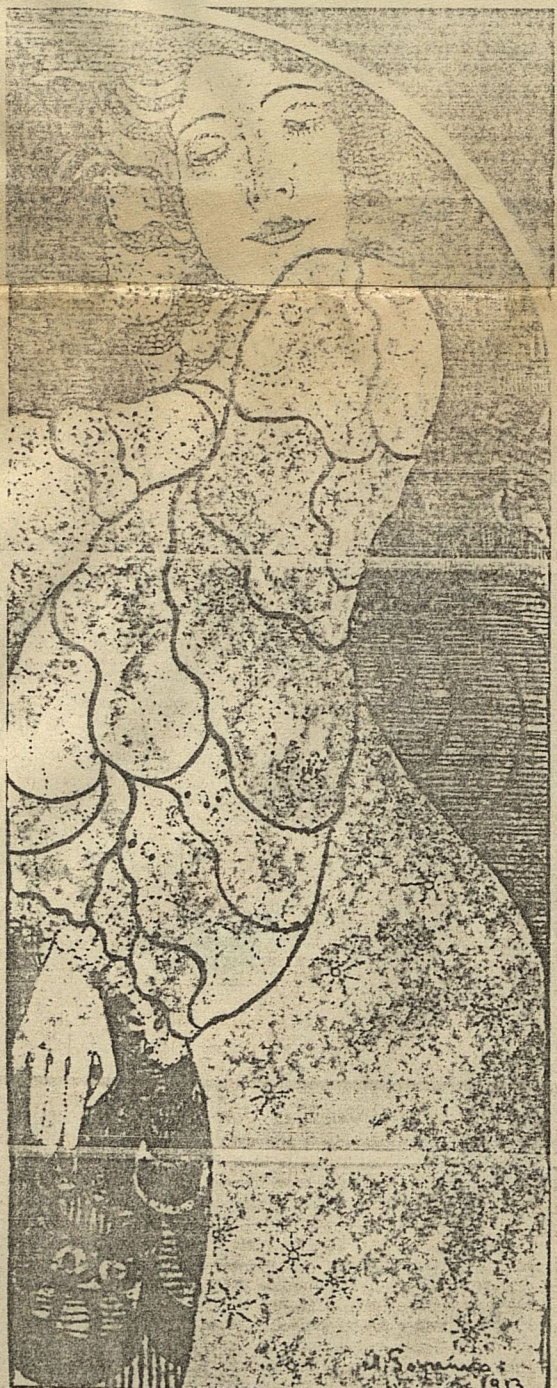

Рисунок А. РОДЧЕНКО

заметили, что на обеде будет еще русский поэт — друг Эльзы. И Арагон тоже будет. Мы поехали обедать в «Куполь». Вот и все. Так мы встретились. — Татьяна замолкает.

Упомянув, что мне довелось писать о знакомстве Маяковского с Луи Арагоном в ресторане «Куполь» *, о котором, со слов Арагона, рассказал мне известный режиссер, нынешний директор Комели Франсез Антуан Витез, долгие годы состоявший секретарем при Арагоне **.

— Это было в то самое время? Когда Маяковский познакомился и начал встречаться с Арагоном? — спрашиваю я, мысленно воспроизводя рассказ А. Витеза.

— Да, — с заминкой подтверждает Татьяна. — Это было в то же время. И так. Маяковский пришел с Эльзой — один он никогда не ходил, так как не говорил по-французски. Нас познакомили, мы разговорились ***.

— Какое он произвел на вас впечатление?

— О, Маяковский очаровал меня! А он... Он особенно был потрясен тем, что я так много знала о нем и о его стихах. Столько могла их прочитать наизусть!

— Он удивился, услышав свои стихи из ваших уст? — спрашиваю.

— Да. Но я могла прочитать не только его стихи. Я ведь вообще знала массу стихов. Больше, чем он сам знал тогда наизусть. В Париже встретил девушку, которая так знала его стихи, ему было, конечно, удивительно.

Мысленно останавливаю задыхающийся голос Татьяны Яковлевой, осознавая значимость услышанного. Поэт встретил в Париже не просто красавицу, к тому же русскую, «ровень с ним ростом» (на чем особенно настаивали некоторые критики), но что было существеннее для поэта, он познакомился с девушкой, которая «знала наизусть его стихи». Знала, живя в Париже.

Да, Маяковский и впоследствии не раз отличал эту редкую способность Татьяны. По свидетельству одного из очевидцев, он уверял, что у нее на стихи «абсолютный вкус».

Френсин **** вспомнит о матери и другое: «В голодном Петербурге она читала солдатам на улице стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского и получала за это буханку хлеба». Задумаемся над этим. Стихи кормили Татьяну Яковлеву, знакомили ее с людьми, заставляли влюбляться. Теперь, в Париже, они связали ее с русской интеллигенцией, клубившейся вокруг их дома, свели с Маяковским.

— Правда, я не очень-то верю, что Маяковский влюбился только из-за стихов, — словно отгадав мои мысли, возражает она, — просто я была очень красивая, я привыкла, что влюбляются. Конечно же, ему было интересно говорить с русской. К тому же я очень дружила в эту пору с Арагоном, считала его лучшим поэтом времени. Я до сих пор обожаю поэзию, литературу, всегда следила за ней. (И теперь Татьяна Алексеевна прочитывает за неделю иногда несколько русских книг или журналов.)

— В этот вечер вы уже не расстались? — спрашиваю о встрече в «Куполи».

— Нет, это было невозможно. Я жила у моей бабушки с теткой и не смогла его привести к нам. К б е л ы м дамам — к р а с н о г о поэта. Мы встречались вне дома. Потом, когда у него кончилась виза (по-вашему — паспорт) и надо было возвращаться, он начал уговаривать меня выйти за него.

— Сколько он тогда пробыл в Париже?

— Шесть недель. Но мы виделись почти каждый день. Он ухаживал за мной так, как никогда никто не ухаживал.

* «Литературная газета», 13 марта 1978 г., «Советский писатель», 1985 г., с. 375. «Коллажи Парижа», эссе.

** 4 мая 1989 г., в возрасте 62 лет Антуан Витез скончался от кровоизлияния в мозг.

*** Впоследствии я убедилась, что отдельные детали в памяти Т.Яковлевой стерлись или сместились по времени, но суть ее рассказа от этого не меняется. В марте нынешнего года, будучи гостем Колумбийского университета в Нью-Йорке, когда Т. Яковлевой уже нет в живых, я встретилась с автором будущей книги о ней Ю. Тюриным. Тщательно сверив многие факты биографии Татьяны Алексеевны со свидетельствами о ее жизни в других источниках, он внес в жизнеописание конкретные уточнения. Пользуясь этой публикацией, я /З. Богуславская — автор широко известной книги «Американки», «Прогресс», 1991 г., фрагмент из которой мы публикуем. — Ред./ захотела поблагодарить Ю. Тюрина и внести некоторые из его уточнений, относящихся к ответам А. Т. Яковлевой.

**** Дочь Т.Яковлевой.

— Правда, я не очень-то верю, что Маяковский влюбился только из-за стихов, — словно отгадав мои мысли, возражает она, — просто я была очень красивая, я привыкла, что влюбляются.

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

ТЫ ОДНА МНЕ РОСТОМ РАВЕН

Цветы, разговоры о поэзии, стояние под окнами. Он безумно меня ревновал.

— А как он ревновал?

— Ну, во Франции, когда встречаются с друзьями-мужчинами, всегда целуются. Он этого не хотел понимать. Как-то он меня провожал, перед моим домом стояла машина, из нее выскочил человек, которого он не знал. Это был мой друг, возвратившийся с юга Франции, и мы бурно расцеловались. Маяковский решил, что у нас было здесь назначено свидание.

— И как он реагировал?

— Он ничего не сказал. Он вообще был очень сдержанный в отношении меня.

Вспоминаю жалобы В. Полонской (в ее воспоминаниях) на непрерывные скандалы, внезапные истерики, приступы безумия Маяковского. Или у Эльзы Триоле: «Какой же он был тяжелый, тяжелый человек». Значит ли это, что год спустя после встречи с Татьяной, будучи загнанным в тупик, поэт так переменялся? Или с Татьяной Яковлевой все же он был иным? Например, Л.Ю. Брик, несмотря на «террор самоубийства», которым подвергал своих друзей Маяковский, в отличие от ее сестры Эльзы никогда не сговаривала на тяжелый характер Маяковского. И художник В.И. Шухаев свидетельствует: «Маяковский производит впечатление тихого влюбленного, Татьяна восхищалась и явно любила его, гордилась его талантом».

Значит, он бывал разным. Примиримся с этим и не будем абсолютизировать то или иное состояние поэта, то или иное его настроение, даже высказывание.

— Только совокупность впечатлений и поступков может приоткрыть нам что-то в тени, не правда ли? — спрашиваю Татьяну, высказав это предположение.

— Да. Он был сдержан по отношению ко мне. И в тот раз — тоже, — добавляет Татьяна. — Но я все поняла без слов. А на другой день он уже не скрывал, как тяжело все переживает. Часто это прорывалось в надписях его книг, которые он дарил мне.

— Можете вспомнить хотя бы одну?

— Хорошо.

«Дарю моей томе я.
Им заменять меня до мая.
Но почему бы не до марта?
Мешают календарь и карта?»

— Как я слышала, — Татьяна улыбается, — Лилия расценила его стихи, подаренные мне, «Письмо товарищу Кострову...» и «Письмо к Татьяне Яковлевой», как предательство. Больше он в Париж не вернулся. Стихи он написал во время своего мартовского пребывания.**

— Что же случилось потом?

— Он больше не приехал, и я поняла, что это надо кончать. Он продолжал мне писать, но я прекратила.

— У вас сохранились эти письма?

— Конечно. Но только те, что мне удалось вывезти из Парижа в Штаты. Осталась пачка, всего десять, кажется. Я их сдала в мой банк, там и хранятся.

— А мне можно будет прочитать их?

— Разумеется, но только в самом банке ***. В моей жизни потом главное было — н е д у м а т ь больше обо всем этом. Я жила в таком водовороте парижской жизни, что смогла забыть свои переживания. Это просто была невероятная жизнь, что кипела вокруг моего дяди Александра Яковлева.

— Как реагировали ваши близкие, ваш дядя на разрыв с Маяковским?

* Михайлов А. А. Маяковский. «Молодая гвардия», 1988, с. 479.

** Стихи были написаны в октябре 1928 года, а не в марте 1929. См. томик стихов Маяковского. Кроме того, «Письмо к товарищу Кострову...» было уже опубликовано в первом номере «Молодой гвардии» за 1929 год, т.е. в январе. — Ю.Т.

*** Этому обещанию, записанному мною на пленку, не суждено было сбыться. В следующий приезд что-то изменилось, то ли близкие Татьяны не поддержали мое желание познакомиться с перепиской, то ли она сама раздумала, но я писем не увидела.

Окончание на 28-й стр.

А

ТЫ ОДНА МНЕ РОСТОМ ВРОВНЕЬ

Окончание. Начало на 14-й стр.

— Никак. Мне вообще удалось скрыть от него мой роман, мы ведь с Маяковским встречались в других домах, в ресторанах, и мои родные не понимали степень близости наших отношений. Я никогда и никому не рассказываю об интимной стороне наших отношений. Это только мне лично принадлежит — было что-то или не было. Самое главное, что осталось в памяти, — его удивительный талант ухаживать. Он хорошо понимал, что для меня он не просто знаменитость. Я выросла в среде знаменитых людей. Артистов, писателей, художников. Допустим, художник Мане был гораздо известнее, чем Маяковский. Просто Маяковский мне нравился. И как мужчина, и как поэт, которого я всегда знала, понимала и любила *. А его громкое имя — это не производило на меня особого впечатления. — Татьяна смотрит на меня внимательно. — Я могла прийти домой и увидеть Сергея Прокофьева, который играл с моей бабушкой в четыре руки. Ведь я попала в Париж в шестнадцать лет **.

— Поразительно, что, живя вне родины почти всю жизнь, вы абсолютно чисто говорите по-русски, без всякого акцента.

— А почему он должен у меня быть?

— Ну... знаете, сейчас русская девочка, выйдя замуж за болгарина, через два года уже имеет акцент...

— Потому что она старается его иметь. А я кокетничала тем, что его не имела.

Она победно улыбается.

— Как вы проводили время с Маяковским? Он ведь и вправду скучал за границей. Ходили слухи, что иногда по неделям не выходил из гостиницы, играл в карты, на бильярде.

— Нет, нет. Со мной он не скучал. Это бывало, но не тогда. В Париже мы много времени проводили вместе и очень мало бывали наедине. Для меня это было опасно, родные были очень строгие, в особенности бабушка. Я уже однажды попала в историю. Мы с целой компанией, в которой был и А.Вертинский, обедали в ресторане. Мне было семнадцать лет. Мои родные понятия не имели о наших встречах. А тут случилось, что в этом же ресторане оказался дядя, он вернулся домой вслед за мной и все рассказал бабушке. И то, что видел меня, и в какой компании. Боже, какой из-за этого получился ужас! Мои родные очень боялись, что при моем дару привлечь к себе внимание я могу оказаться в компрометирующем положении.

— Как случилось, что вы оказались в Париже?

— Дядя Яковлев был богат и знаменит. Гости в Париже, я заболела. *** Когда он узнал, что у меня оказалась заета верхушка легкого (на рентгене видно было затемнение), то посчитал, что мне небезопасно возвращаться. Нужны были хорошие условия, питание, уход. Дядя был очень дружен с французским послом в Москве и легко уладил дело, почти сразу же получив разрешение для меня. так я осталась.

* О Маяковском из письма к матери Любови Николаевне: «Я видела его ежедневно и очень с ним подружилась, если я когда-либо хорошо относилась к моим поклонникам, то это к нему, в большой доле из-за его таланта. Но еще больше из-за изумительного и буквально трогательного ко мне отношения... Главное, люди, с которыми я встречалась, по большей части «светские», без всякого желания шевелить мозгами или же какими-то — мухами засиженными — мыслями и известиями. М. же меня подхлестнул, заставил умственно подтянуться, а главное — остро вспомнить Россию... Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след». И из другого письма: «Надо любить стихи, как я, и уж одно его вечное бормотание мне интересно. Ты понимаешь мою любовь к стихам, теперь она, конечно, разрослась вдвое. Мучалось сложностью отношений в связи с Л.Брик. Замуж вообще сейчас мне не хочется. Я слишком втянулась в свою свободу и самостоятельность». (Татьяна вышла замуж в декабре, точнее, 23 декабря 1929 года. Кроме того, Маяковский приезжал в Париж в марте 1929 года и провел с Татьяной сорок дней, когда она еще и не помышляла о свадьбе. — Ю.Т.).

** В данном случае Т.Я. ошиблась, она пошла в Париж в более позднем возрасте, и в момент встречи с Маяковским через два года ей было, очевидно, 22 года.

*** Татьяна съехала на лечение, которое было выслопотано через Международный Красный Крест и фирму «Ситроен». Когда Татьяна приехала в Париж, она сразу и поселилась у бабушки. — Ю.Т.

Вслед за этим дядя выписал из Петербурга бабушку ухаживать за мной. Я вылечилась в первый же год заботами и опекой родных.

— Как же возник в вашем окружении дядя Плесси?

— За два года до того, как я встретила Маяковского, в меня влюбился один дипломат, он был французским консулом в Варшаве. У нас возникли очень дружеские отношения, которые не прерывались. Когда Маяковский уехал в Россию, случилось так, что мой знакомый был как раз в отпуске в Париже. Мы начали проводить вместе время. Родные были рады этому. Дядя Плесси был из очень старинной бретонской семьи, стопроцентный аристократ. Вскоре наши отношения полностью возобновились. Конечно, я ответила согласием на его предложение уехать с ним. Ведь

разрешение. Дядя Плесси добился его, и летом того же года мы поженились.

Значит, осознаю я, после сообщения в Москву до замужества Яковлевой на самом деле остается еще три месяца. В эти три месяца, если бы реакция каждой из «сторон» была достаточно сильной, можно было все вернуть. Но сложности с визой Маяковского, отношения с дядей Плесси, захватившие юную Т. Яковлеву, лишь помогли «забыть переживания». А поэт? После бурной реакции на известие о помолвке Татьяны он усиленно ухаживает за В.Полонской, а вскоре требует узаконить их отношения.

Отчего же об этой легкости отказа молодых друг от друга так мало вспоминают те биографы Маяковского, которые склонны приписывать фатальную предназначенность и символику их парижской встрече?..

— Как же завершилась печальная история любви с Маяковским? Вы ему дали знать о своем согласии на предложение дяди Плесси? — спрашиваю не без грусти по поводу бренности даже самых ярких чувств.

— Случилось так, что это сделала Эльза. Она написала письмо Лиле о моей помолвке. В доме у Бриков был Маяковский. Они часто читали письма Эльзы вместе. Лилиа вслух начала читать сообщение сестры, и, как мне рассказали, Маяковский не смог дослушать письма до конца и выбежал вне себя от узнанного...

Штора колыхнется, домашние заглядывают к нам, покачивают головами.

— Я слышала об этом от самой Лилии Брик, — подтверждаю я, — она говорила не раз о чтении письма и о том, что вражда между вами была сильно преувеличена другими, кому это было на руку.

Я не решилась тогда спросить Татьяну, как она восприняла самоубийство Маяковского: винила ли себя, сожалела ли или просто дрогнуло ее сердце — такой вопрос задать я не посмела.

— Почему Эльза Триоле так поспешно сообщила Лиле о помолвке? — только об этом и спросила.

— Эльза ведь была страшно перепутана тем, что именно она нас познакомила. Конечно, когда она писала

письмо, то и предположить не могла, что Маяковский окажется у Бриков и так серьезно все воспримет. Именно поэтому, естественно, Эльза поспешно сообщила из Парижа сестре «приятную новость», устраняющую с ее пути соперницу.

— А вы сами впоследствии разве не дали знать Маяковскому о перемене в вашей жизни?

— Мое собственное письмо, как оказалось, пришло к Маяковскому уже на другой день... Перед смертью Лилиа сама написала мне обо всем этом, и не только об этом. А и о том, как она с досады все перебила в своем доме: когда впервые узнала правду о нас, узнала о стихах мне. Я ей ответила на ее письмо, сказав, что абсолютно ее понимаю и оправдываю, и только прошу, чтобы она все мои письма Маяковскому сожгла. Она ответила, что тоже меня понимает и оправдывает. Так что перед ее смертью мы объяснились. И простили друг друга.

Пока мы прощаемся, обе под впечатлением воспоминаний, я думаю о мифах, слухах, недоброжелательстве, посевных многими любителями сенсаций...

Итак, я запомню ее, стоящую в проеме дверей, худую, высокую, в переливающейся ткани, она о чем-то спрашивает медленным низким голосом, поправляя светлые пряди волос над широким скуластым лицом. Я что-то отвечаю на ее вопрос о нынешней Москве /1988/ — рассказываю об атмосфере раскрепощенности, о создании молодежных театров и студий, о старом Арбате, где любой может прочесть свои стихи. В какой-то момент вынимаю этюд маслом — пейзаж с видом на церковь в Пензе кисти молодого художника и дарю ей, не осознавая, что больше ее не увижу.

* Письмо пришло от Эльзы о факте помолвки в октябре, а венчание было в конце декабря, значит, все три месяца. Именно поэтому вывод о том, что еще можно было вернуть все «на круги свои», не верен. — Ю.Т.

Л. Брик, Т. Яковлева, В. Полонская (из архива музея В.В. Маяковского), В. Маяковский.

я ему давно симпатизировала. Поднялся большой шум — все недоброжелатели мои заговорили тогда, что я предпочла богатство и графское имя любви революционного поэта. Но это было не так. Дядя Плесси был неотразимо красив, я с ним очень дружила. Он был знатен, но, представьте, вовсе не богат.

— Он знал о вашей истории с Маяковским?

— Нет. Он приехал, сделал мне предложение, и я его приняла. Потом оказалось, что нужно еще уладить кое-какие формальности, мы сразу не можем пожениться. Препятствием был мой советский паспорт,* и нужно было

*Препятствием был не советский паспорт, а православие Татьяны. Когда же она обратилась в католическую веру, именно тогда и стал возможен ее брак с католиком Дядей Плесси. — Ю.Т.